

учное обозрение» М.М. Филиппов, философ А.В. Гуревич, историк Р.Ю. Виппер, политик В.М. Чернов. В целом автором проделана колоссальная историко-философская работа по реконструкции сложного, противоречивого и в определенной степени судьбоносного периода в развитии российской философии, так что работа Стейлы несомненно представляет собой значительный вклад в культуру России.

Что касается собственно философского анализа разработанных российскими авторами на базе эмпириокритицизма концепций, то он оказался в тени истории идей. Стейла только наметила важные траектории ведущихся в то время дискуссий, касающихся проблемы «вещи-в-себе», понимания реализма, идеализма и монизма, а также отношения последователей эмпириокритицизма к философии Канта, Ницше и забытого сегодня Дицгена. «Монический эмпиризм» В. Базарова, эмпириомонизм А. Богданова и эмпириосимволизм П. Юшкевича ждут еще своего подробного теоретического исследования с учетом состояния знания в современной философии. Как мне кажется, такое свободное от политики исследование было бы не менее интересным, поскольку в рамках «критического позитивизма» затрагиваются широко обсуждающиеся сегодня в теории познания проблемы относительно конституирования опыта, процессов восприятия, обоснования опытного знания, понимания истины, коллективного познавательного опыта, условий познания и т.д. Причем эти работы часто превосходят предлагаемые сегодня решения. Данное замечание не является критикой в адрес рецензируемой работы, ибо, как известно, нельзя объять необъятного. Оно служит, скорее, приглашением читателей данной книги продолжить изучение российского неопозитивизма, который Стейла хотя и именует традиционно «махизмом», но считает самостоятельным и творческим направлением философской мысли в России.

В заключение следует отметить, что книга Стейлы представляет собой интерес для историков, специалистов по русской философии, а также для всех, кого интересует история отечественной культуры, один из эпизодов которой тщательно восстановлен итальянской исследовательницей.

*М. Е. Соболева,
доктор философских наук, профессор
Клагенфуртского университета в Австрии*

Hermann Cohen. Briefe an August Stadler. Herausg. von Hartwig Wiedebach. Basel, 2015. 172 S.*

Руководителем когеновского архива философского семинара университета г. Цюрих, профессором Х. Видебахом изданы письма основателя марбургской школы неокантианства Германа Когена (1842–1918) к своему ученику и соратнику Августу Штадлеру (1850–1910). Эти письма охватывают два периода: с 1872 по 1881 и с 1886 по 1905 годы. А незадолго до начала переписки Коген в Берлине организовал небольшой кружок студентов

* Поступила в редакцию 23.05.2015 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2015-3-7

© Белов В.Н., 2015

для чтения и комментирования «Критики чистого разума», к которому примкнул и А. Штадлер. В книге опубликованы 64 письма и открытки, 63 из которых написаны самим марбургским философом.

Первый период ознаменован началом работы Когена в Марбургском университете с 1873 года (до этого философ пытался получить место преподавателя в Берлинском университете) сначала в качестве приват-доцента, затем с 1875 года в качестве экстраординарного, а с 1876 года — после смерти Ланге — ординарного профессора. В письме за 30 октября 1881 года впервые появляется имя Пауля Наторпа («нашего нового приват-доцента») в связи с его габилитационной работой о философии Декарта, которую Коген оценил как «дельную и ясную» (S. 131). Именно с 1881 года начинается история дружбы и сотрудничества двух немецких философов, история становления знаменитой марбургской школы неокантианства.

В своих письмах к Штадлеру Коген предстает в качестве импульсивного, открытого к общению, вызывающего доверие и избирательного в дружбе философа. Многочисленные замечания Когена по систематическим проблемам, оценки состояния современной ему науки и высказывания по вопросам общей политической ситуации являются бесценным источником для интеллектуального профиля того времени. Так, в письме от 23 сентября 1874 года Коген сообщает своему корреспонденту о том, что с удовлетворением находит общность взглядов на обновление кантовской философии через особое внимание к основоположениям. «В их проверке и более выверенном выведении, — замечает марбургский философ, — или более точном и ясном обосновании из единой мысли системы впервые смысл того, что мы называем трансцендентальным идеализмом, и таким образом достойный смысл, из которого мы дедуцируем “реальность”, становится правдоподобным» (S. 52). А в письме от 14 января 1881 года Коген с горечью обращает внимание на усиление немецкого антисемитизма (S. 126–128). Иудаизму ставится в вину его восточную ориентацию и враждебность немецкой нации. Коген планирует вступить в полемику с апологетами подобной точки зрения на иудейство.

Содержательно не менее интересен и более поздний корпус писем Германа Когена 1886–1905 годов. В них он сообщает о своих встречах с классиком швейцарской литературы Готфридом Келлером (1819–1890) в Цюрихе, о его смерти, выражает озабоченность ухудшением здоровья Штадлера.

В книге приводится также расписание всех учебных курсов зимних и летних семестров Германа Когена, начиная с зимнего семестра (1873/74) и заканчивая летним семестром 1918 года, который был заявлен, но не проведен, так как Коген умер 4 апреля 1918 года. Из этого расписания легко вычитываются предпочтения немецкого философа и изменения этих предпочтений в зависимости от научной работы и планов собственных произведений. Сквозной темой остается только тема кантовской философии. Также определенный интерес представляет дважды заявленный курс лекций (зимний семестр 1908/09 и летний 1916) «Психология как энциклопедия философии». Известно, что Коген готовил текст этих лекций к публикации, но в итоге он был утерян; возможно он сохранился в архиве философа, о местонахождении отдельных материалов которого до сих пор нет достоверных сведений.